

Путрова Мария Дмитриевна
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой, Полоцк

ДЕЙКСИС В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРА

Аннотация. Дейксис показывает, как язык кодирует характеристики контекста ситуации в соотносящемся с ней высказывании. Наименование дейксис означает указание на время, место, участников события. Использование дейктических форм обнаруживает культурную и гендерную специфику, проявляющуюся в частотности употребления прямых и косвенных дейктических обозначений, а также в славянских языках (русском и белорусском) в возможности употребления диминутивных дейксисов. Последние отличаются двойной индексальностью, так как не только указывают на время, место и участников события, но и отсылают к гендерной идентичности говорящего субъекта. Диминутивные дейксисы отличаются редкостью употребления и чрезвычайно высокой эффективностью маркирования гендера.

Ключевые слова: указание, ролевые, проксемические, временные, культурная, гендерная специфика, косвенные, прямые, редкие диминутивы, эффективные маркеры, двойная индексация.

Abstract. Deixis concerns the ways in which languages encode features of the context of utterance. It means the use of words relating to the time, persons and place of utterance. Its use reveals cultural and Gender differences reflected in the frequency of use of direct and indirect deictic forms as well as in realization in Slavonic languages (Russian and Belarussian) diminutive deictic forms. The latter have double indexation, pointing out to time, place and person as well as to the engendered identity of the speaker. They are extremely rare but very effective means of marking Gender.

Keywords: pointing out, person, proximics, time, culture, Gender, specialty, direct/indirect, rare, diminutive, strong marker, double indexation.

Многочисленные исследования как в области лингвистики, так и сопредельных с ней дисциплин (философии, герменевтики, коммуникативистики, психологии) убедительно показали, что дейксис является фундаментальной категорией языковой коммуникации.

Само наименование «дейксис» греческого происхождения и означает «указание». Примечательно, что современная лингвистика, фактически, сохраняет данное

значение обсуждаемого термина, ибо как термин дейксис предполагает именно указание как значение или как функцию языковой единицы.

Любая языковая форма, используемая для осуществления указания, называется «дейктической». Так, всякий раз, когда мы замечаем нечто необычное и спрашиваем: *Что это? Што зэта? What's that?* Мы используем дейксис – *это/зэта/that* для обозначения чего-то в нашем непосредственном окружении, в контексте нашей ситуации, а именно для указания на заинтересовавшие нас объекты.

Примечательно что дейксисы имеются уже среди самых первых языковых форм, которые начинают использовать дети, усваивая родной язык, причём всех важнейших разновидностей. Начинающие говорить, как правило, употребляют их для обозначения важнейших субъектов коммуникативного процесса (*я, ты*) для указания на пространственное расположение интересующего их предмета (*здесь, here, there, там, тут*) для ориентации во времени (*сейчас, цяпер, now*). То есть они, фактически, начинают осваивать дейксисы трёх важнейших разновидностей:

- ролевые, указывающие на участников коммуникативного события и выражающиеся различными видами местоимений (*я, ты, мой, твой*);
- проксеимические, указывающие на степень отдалённости объекта высказывания и воплощающиеся в форме указательных местоимений и частиц (*этот-том, вот-вон, ось-вунь, this-that*);
- временные или хронотипические, указывающие на положение во времени и пространстве и выражающиеся местоименными наречиями (*здесь сейчас, now, here, цяпер*).

Некоторые исследователи называют подобные единицы «индексальными» вслед за Ч. Пирсом, введшим термин *индекс* в научный обиход [1, с. 89]. Е. В. Падучева соотносит обозначенные три типа единиц с прагматическими переменными речевого акта [2, с. 24]. Ещё одно широко используемое их терминологическое наименование *дейктический (эгоцентрический) центр*, на который ориентируются участники коммуникативного события.

В отличие от обычных «именующих» слов, дейктические обозначения передают только признаки указываемых сущностей – предметов, лиц, явлений, действий, существующих у них только по отношению к другим предметам, лицам, явлениям [3, с. 22 – 105]. Отмечается, что способ актуализации дейксиса зависит от структурного типа языка. Исследование белорусского лингвиста О. А. Артёмовой убедительно показывает, что не только. Наблюдается также культурная специфика реализации дейктических единиц [4.].

Мы полагаем, что культурологические модификации не исчерпывают всю специфику реализации дейксиса. Наша гипотеза состоит в том, что дейксис функционирует также и в определённом соотношении с гендерной идентичностью

говорящего субъекта, то есть его сущность прагматической переменной, в терминах Е. В. Падучевой, включает также и гендерный параметр.

Проверка правомерности данной гипотезы проводилась на материале записей подлинного говорения в четырёх культурах: американской, английской, белорусской и русской. Массив записей в каждой культуре составлял, примерно, 40 000 слов. Кроме того, был использован дополнительный массив записей на так называемый «трасянке», также состоящий из чуть более 40 000 слов.

Целью изучения было рассмотрение особенностей функционирования дейксиса с учетом гендерной идентичности говорящего субъекта.

О. А. Артёмова в исследовании показала культурную специфику так называемого косвенного указания. Рассмотрим следующие примеры из употреблений в английской культуре, взятые из перечня Г. Юла [5, с. 11]:

- You have to clean up after yourself.
- We clean up after ourselves around here.
- Good girls clean up after themselves.

Или из наших собственных записей вербального поведения в той же культуре:

- You have to give a hand, dear.
- We normally give a hand actually.

Первое высказывание в каждой подборке (You have to give a hand, dear. We normally give a hand actually) является прямыми непосредственно отсылающими к собеседнику. Все другие – косвенные.

О. А. Артёмова на материале текстов белорусской и английской художественной литературы показала, что частотность реализации косвенных и прямых указаний культурно специфична. Белорусскую культуру можно квалифицировать как более «прямую» по сравнению с британской английской. По её данным, частотность замещения прямых дейксисов более общими непрямыми несколько более высокая в текстах английской художественной литературы.

Анализ записей подлинного говорения позволил получить данные, показывающие, что и в аутентичном общении установленная О. А. Артёмовой особенность прослеживается, однако степень её выраженности значительно меньшая и составляет приблизительно 7,5 %.

Вместе с тем представленное отношение межкультурных особенностей интерпретируется нами как неполное, ибо помимо культурной специфики наблюдается ещё и гендерная. По нашим данным, «косвенное» указание на личность чаще реализуется в женском говорении, причём во всех анализируемых нами культурах. Данная частотность, однако, также не соотносится с резко отличающимися показателями, а колеблется в пределах 7,25 – 8,5 – 8,75 – 10%. Тем не менее, представленные

показатели позволяют говорить об определённых предпочтениях в вербальном поведении представителей изучаемых культур в соответствии с их гендерной идентичностью и констатировать, что культурные различия в реализации дейкиса выступают совместно с гендерными.

Ещё более убедительные данные получены при рассмотрении гендерных особенностей реализации другой отмеченной О. А. Артёмовой культурно-специфической черты дейктических форм.

По данным О. А. Артёмовой, более показательны сопоставляемые ею культуры противопоставляются по особенностям реализации дейктических единиц типа *мы и вы, я и ты, мы и ты*, свойственных общению как на английском, так и на белорусском языках. Вместе с тем в последнем имеются и широко употребляются и такие дейктические формы как *мы з вамі, мы з табой* и т.п., которые не прослеживаются вовсе в текстах англоязычных авторов. Наш анализ показывает, что общение на славянских языках (не только белорусском, но и русском) действительно обладает отмеченной особенностью, отличающей его от английского и американского. Формы *мы с тобой, мы с вами, мы с ними* употребляются в вербальном поведении славянских женщин чаще, чем мужчин, а формы *я и ты, мы и вы, я и вы, мы и они, я и они*, соответственно, реже.

Вместе с тем представленное О. А. Артёмовой описание различий правомерно дополнить и ещё одной относительно редкой, но весьма характерной особенностью, а именно возможностью диминутивизации говорящим субъектом обсуждаемых дейктических форм. Так, в наших записях обнаруживается следующий фрагмент:

- *А нам с тобоюшкой, лапка, есть что вспомнить.*
- *Да-а! Ой!*

Он зарегистрирован в общении двух подруг. В нашем материале диминутивная форма такой разновидности (*нам с тобоюшкой*) встречается только один раз. Две другие записаны в наблюдениях. И все они соотносятся с женским говорением.

- *Уж мы с тобоюшкой всё видим, всё-всё.*
- *Мамка-мамачка! Не бядуй – не бядуй! Мы з табойкаю яшчэ пабачымся.*

Не бядуй!

Целесообразно отметить, что сами формы *я и ты, мы и вы, они и вы* значительно менее частотны, чем *я с тобой* и т.п. Причём, как в русской, так и белорусской культуре. Несколько больше они регистрируются в относительно официальном или нейтральном разговоре. Любопытно, что именно данная разновидность (*я и ты*) обнаруживает заметную предпочтительность употребления в мужском говорении (на 17,25% и 22,5% чаще соответственно в русской и белорусской культурах). Вариант *мы с вами, я с тобой* и т.п. встречается в целом почти с одинаковой

частотностью в славянских языках и чаще в говорении женщин. Кроме того, употребление местоимения *мы* вместо возможных *мы с тобой*, *мы с ними* и т.п., также больше соотносится с вербальным поведением женщин, хотя данная особенность не отличается высокими показателями частотности: всего на 7,25 – 7, 75 – 8, 5 – 9,25 процентов чаще соответственно американской, английской, белорусской и русской культурах.

Любопытно, что весьма общие, без какого бы то ни было дейкисского уточнения высказывания встречаются чаще в мужском говорении. Например:

1. А1: – *Будзе зроблена!*

Б1: – Будзе зроблена! Гэта як? Хто зробіць?

А2: – Ды мы зробім! Вы, зразумела, таксама. Вось і зробім. *Мы і вы.*

2. А1: – *Постараемся.*

Б1: – Это кто стараться то будет?

А2: – Так мы же с вами, конечно.

3. А1: – *Справімся.*

Б1: – Калішачкі толькі? Га?

А2: – Прыйдзе час, справімся.

Вместе с тем, гендерная предпочтительность представленных форм в примерах 1 – 3 невысокая, всего 5 и 5,75% соответственно в русской и белорусской культурах. Диминутивные формы дейкисных обозначений, весьма редкие, фиксируются почти полностью только в женском говорении.

1. – *Восячки* яно як! Ці думау хто?

2. – *Тамачкі* тады и пабачымся.

3. – Хто тудоячы ходзіць? *Сюдоечки* трэ было ісці.

4. – *Вотушки* как надо! *Вотушки-вот!*

Все они отличаются редкостью употребления, однако в своей совокупности позволяют получить хоть и не длинный, но всё-таки перечень весьма заметных в гендерном плане обозначений. В русском говорении их зафиксировано всего 13, в белорусском 11, 14 на трясанке. Однако некоторые из них фиксируются 2 и более раз, особенно русская диминутивная форма дейкиса *вот*.

Такая употребительность может показаться незначительной для специального обсуждения; тем не менее, явление всё-таки фиксируется в реальном функционировании языка и заслуживает внимания хотя бы только поэтому. Чаще других встречаются диминутивные формы пространственных дейкисов.

1. – Якое *тамкі* табе свята?

2. – *Вотушки* где! А я и не заметила.

3. – *Вотушки* куда-а! А зачем?

Как уже отмечалось, в наших записях подобные формы встречаются только в говорении женщин. Наблюдения показывают, однако, что они возможны и в речевом поведении мужчин. Так, нами было зафиксировано высказывание, реализованное дедушкой, в его обращении к внучке. Свою просьбу он изложил следующим образом:

1. – *Вотушки* про такого зайку ты мне теперь и расскажи.

Кроме того, в наблюдениях зарегистрированы и несколько подтрунивающих, иронических замечаний по поводу поведения обсуждаемых женщин, явно имитирующих их говорение. Например:

2. – Только *тамушки* хорошо! У мамушки моей!

Неслучайно, по нашему мнению, именно данная разновидность гендерно маркированных языковых образований, то есть дейксисы в диминутивной форме, будучи реализованными в конкретных высказываниях, делают последние легко идентифицируемыми в качестве высказываний, принадлежащих именно женщинам. Во всяком случае, в нашем эксперименте по распознаванию гендерной принадлежности высказываний те из них, которые содержали диминутивные по форме дейксисы, как правило, хорошо распознавались как фрагменты именно женского говорения, причём всеми группами информантов (до 25 лет, 26-45 лет, 46 и старше).

Представляется неудивительным поэтому, что их реализация в реальном говорении иногда имеет своим результатом небольшие заминки в разговоре. Так, в наших записях зафиксированы следующие фрагменты.

1. A1: – *Восячки сюды!* Стау!

Б1: – Куды?

A2: – Сюды.

Б2: – Так і скажы.

2. A1: – *Вотушки* нет!

Б1: – А?

A2: – Нет, грю

Б1: – А-а.

В гендерных исследованиях существует направление, которое в значительной мере концентрируется именно на межгендерных конфликтах. И примеры такого рода обычно интерпретируются в плане конфликтных ситуаций, дерогативности. По нашему мнению, в представленных фрагментах конфликта не наблюдается. Имеются только небольшие задержки в развитии диалога, которые вызваны именно некоторой неожиданностью, непривычностью определённых реакций. В нашем примере они обусловлены нехарактерным для представителей другого гендера употреблением диминутивных дейксисных форм. Они являются знаками

именно специфики, нехарактерности, а не столкновения, неприятия или умаления достоинства. Неслучайно пояснения, исключаящие такие формы, сразу же рассеивают некоторые заминки. Подобные случаи только поддерживают наше утверждение о гендерной специфике и значимости диминутивных форм дейксиса в плане идентификации гендера.

Примечательно, что и в случае обсуждаемой разновидности, то есть пространственных дейксисов, используемых для усиления точности передаваемой информации, прослеживается не только гендерная, но и культурная специфика, ибо в записях на английском и американском языках диминутивные дейксисы, практически, отсутствуют. Имеется только один случай: *yonie-yonder* (*вон там*), зафиксированный в женском говорении на английском языке.

Совершенно очевидно, что уменьшительные по форме дейксисы имеют в виду вовсе не размер, весьма традиционно считающийся главной или даже единственной характеристикой уменьшительных форм. Результаты анализа зафиксированных в наших записях диминутивных обозначений показывают, что далеко не все диминутивы манифестируют размер. Например:

1. – Приходите во *вторничек*. На вторничек номерок есть. (Разговор в регистратуре поликлиники)

2. Ён цяпер такі прыходны, *бальшэнькі, вялизнёнькі* такі цуда-хлопец.

Поэтому в нашем исследовании особенностей употребления диминутивных форм мы отмечаем не только несколько более высокую общую их употребительность в говорении женщин, но и различия в семантике. На наш взгляд, диминутивы в женском говорении представляют не столько размер обозначаемой сущности, сколько дистанцию говорящего субъекта от создаваемой им языковой картины. Коммуниканты-женщины с их помощью представляют обсуждаемую реальность как более приближенную к говорящему субъекту, в то время как в мужском говорении говорящий субъект более автономен, нейтрален, даже отстранен от рисуемой им с помощью языковых средств картины событий.

В мужской реализации диминутивы значительно чаще имеют явные значения иронии, уничижения, умаления, насмешки, в то время как в женском только некоторое приближение, сопричастие. Например:

1. – Хорош *начальничек*! Ты только слушай.

2. – Нет-нет, наш *начальничек* ничего. Правда. Людей слушает. Да-да.

Подобные примеры позволяют сделать вывод о проксемической, то есть дистантной составляющей семантики диминутивных форм. Сказанное, по нашему мнению, справедливо и о диминутивных дейксисах, весьма сильных маркерах гендерной идентичности говорящего субъекта. Настолько сильной, что зарегистрированная нами реплика дедушки в его разговоре с внучкой, содержащая

дими́нутивный дейксис, предъявленная информантом в письменной форме для распознавания гендера говорящего субъекта без всяких других опознавательных знаков, оказалась воспринятой как фрагмент женского говорения. При этом 40% информантов своё мнение выразили в более или менее предположительной форме (*мне кажется, скорее, думаю, возможно, видимо*).

Мы полагаем, что дейкисы в уменьшительной форме, как и другие дими́нтивы, семантизируют дистантность и в таком своём качестве соотносятся именно с женским говорением. Получается, что дейкисы обсуждаемой разновидности имеют двойную индексальность. Как и все другие дейкисы, они указывают на какую-то сущность, однако плюс к этому дополняют данные указания отсылкой именно к гендерной идентичности говорящего субъекта.

Р. Якобсон, обсуждая сущность дейкисных обозначений, дал им собственное терминологическое наименование – шифтеры [6]. Данное наименование представляется особенно уместным для обозначения рассматриваемой нами их разновидности, ибо они выступают не только в традиционной для дейкисов роли указателей, но и осуществляют ещё и определённое смещение, сдвиг, перемещение (*shift*, в терминах Р. Якобсона) в сторону гендерной идентичности говорящего субъекта. И тем самым, практически, выступают как двойной дейксис, указывая одновременно на некую сущность и гендер.

Суммируя сказанное, правомерно сделать следующие выводы:

1. Культурологически значимые модификации дейктических форм не исчерпывают всю специфику реализации дейкиса.

2. Дейксис функционирует также и в определенном соотношении с гендерной идентичностью говорящего субъекта.

3. Прежде всего, весьма общие, без какого бы то ни было дейкисного уточнения высказывания в ситуациях, когда дейкисы обычно используются и ожидаются собеседниками, чаще встречаются в мужском говорении.

4. Косвенное указание на личность (*мы, у нас*) чаще соотносятся с говорением женщины во всех культурах, хотя конкретные показатели отмеченного предпочтения довольно невысокие.

5. Уменьшительные варианты дейктических форм фиксируются в реальном говорении крайне редко. Все они, как правило, соотносятся с женским говорением и являются сильным маркером гендерной идентичности говорящего субъекта.

6. Дейкисы в уменьшительной форме семантизируют не размеры, а дистанцию говорящего субъекта от проецируемой им языковой картины мира. То есть дейкисы-деминутивы имеют двойную индексацию. Как и все другие дейкисные наименования, они указывают на какую-то сущность, однако плюс к этому дополняют данное указание отсылкой именно к гендерной идентичности говорящего субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пирс, Ч. С. Что такое знак / Ч. С. Пирс // *Философия. Социология. Политология.* – №3. – 2009. – С. 88 – 95.
2. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 272 с.
3. Джоунс, П. Философские и теоретические вопросы в исследовании дейксиса / П. Джоунс // *Актуализация предложения; в 2-х томах (отв. ред. А. И. Варшавская).* Т. 1. Категории и механизмы. – СПб : СПбГУ, 1997. – С. 82 – 123
4. Артемова, О. А. Типология дейксиса в семантико-прогматическом аспектах (на материале бел. и англ. языков) / О. А. Артемова. – Мн. : МГПУ, 2019. – 176 с.
5. Yule, G. *Pragmatics* / G. Yule. CUP, Google Books. First published 1996. – P. 9 – 16. – Mode of access : <https://dokumen.tips/documents/yule-g-1996-pragmatics.html?page=1>. – Date of access : 06.09.2023.
6. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // *Принципы типологического анализа языков различного строя.* – М. : Наука, 1972. – С. 95 – 113.